

114

ПОЦЕЛУЙ

КАРА КОЛТЕР

Звездный час любви

 HARLEQUIN® KISS™

Поцелуй – Harlequin

Кара Колтер
Звездный час любви

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Колтер К.

Звездный час любви / К. Колтер — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06842-2

Анжелику Уизерспун, молодую школьную учительницу, бросил жених. Мало того, ее преследует бывший коллега, оказавшийся опасным психопатом. Измученная постоянным страхом, девушка уезжает из Калгари. В поисках пристанища она оказывается в городке на берегу большого озера. Здесь ей попадает объявление о том, что в загородный дом требуется домработница. Джефферсон Стоун – молодой, привлекательный хозяин особняка – после гибели жены в автокатастрофе живет затворником. Он отказывает девушке, ссылаясь на то, что та слишком молода, но Энжи проявляет настойчивость, и хозяин сдается. Вскоре Энжи обнаруживает, что за внешней мрачностью скрывается человек с чуткой душой и добрым сердцем. Молодых людей тянет друг к другу, но, только преодолев страхи, они находят дорогу к любви и счастью.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06842-2

© Колтер К., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кара Колтер

Звездный час любви

Cara Colter
Housekeeper Under the Mistletoe
Copyright © 2015 by Cara Colter

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

– При других обстоятельствах мне бы здесь очень даже понравилось, – рассуждала Анжелика Уизерспун сама с собой, проезжая по главной улице, где сквозь густую зелень больших деревьев просачивалось летнее солнце.

Нельсону, городу в гористой местности Селкирк провинции Британская Колумбия, в своеобразном очаровании действительно не откажешь.

Анжелика остановила машину под углом к широкому тротуару, где возле старинных зданий царило бурное движение. Почувствовав себя достаточно уверенно, она вышла и потянулась. Мышцы затекли от напряжения. Оглядевшись, она заметила вдалеке проблески воды западного рукава озера Кутеней.

«Как бы мне хотелось побывать там». – Энжи вздохнула с тоской, но тут же строго напомнила себе, что это в прежней жизни посещала разные живописные уголки страны, а в новой беспредельно устала и находилась на взводе. Кроме того, подобные путешествия требовали денег, а у нее всего шесть долларов двадцать два цента. Она снимала наличные всего один раз и до сих пор пребывала в шоке от того, с какой скоростью испарились двести долларов.

Прямо напротив того места, где она припарковалась, под разноцветным навесом приютилось уличное кафе. Ее окутал густой аромат кофе и пряные запахи индийских блюд. Энжи ощутила острый приступ голода. Впервые за всю неделю бегства немного отпустило желудок и она смогла почувствовать голод. Однако, купив батон хлеба и немного мясной нарезки, ей удастся протянуть чуть-чуть дольше, чем поддавшись соблазну пообедать в кафе. Она огляделась в поисках продуктового магазина.

Где-то вдалеке взвизгнули автомобильные шины. Анжелика почувствовала, как молотом застучало сердце, а над верхней губой выступил пот. Преодолевая страх, она внимательно оглядела улицу, чтобы убедиться, что за ней не следят.

«Послушай, никто за тобой не следит, – мысленно успокаивала она себя. – Да и как тебя можно выследить, если сама не знаешь, куда едешь».

И это лишь часть тех мер предосторожности, которые она предприняла. Сюда входил и запрет снова воспользоваться банкоматом. Уинстон проявлял поразительную изобретательность, преследуя ее. Что, если ему удастся отследить банковские транзакции? Нет, надо срочно купить хлеба. Возможно, арахисовое масло даже лучше мяса, дольше не портится.

Но что дальше? Запасы тают так быстро, что уже очень скоро придется бросить свою затею и вернуться домой.

Домой. По спине пробежала холодная дрожь. Дома он уже побывал. Уинстон был у нее дома. В ее спальне. И что он там делал?

– Брр. – Энжи непроизвольно передернулась. Сможет ли она вообще когда-нибудь вернуться домой? Хотя, если подумать трезво, лето не будет длиться вечно, а в сентябре надо снова быть в школе. К тому времени все должно закончиться. А если не закончится?

Она вспомнила лица своих учеников, как они менялись с каждым новым учебным годом, вспомнила ощущение собственной нужности, которое они ей давали, и чуть не заплакала, подумав о том, что не сможет вернуться к ним и к работе, которую так любит.

«Не думай об этом», – твердо сказала она себе. До этого еще далеко. Сейчас перед ней куда более неотложная задача. Продержаться несколько недель, пока полиция не поймает Уинстона.

– Мне надо передохнуть, – прошептала Энжи. – Просто немного передохнуть.

В этот момент ее взгляд упал на доску местных объявлений, и словно невидимым магнитом ее потянуло туда. Все вокруг расплылось перед глазами, кроме одного-единственного объявления, составленного очень по-мужски.

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ДОМРАБОТНИЦА.
ТОЛЬКО ЗРЕЛЫЕ ПРЕТЕНДЕНТКИ.
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ:
ТИШИНА И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ.
БАЛАБОЛКАМ ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ.
ОБРАЩАТЬСЯ ЛИЧНО.
СТОУН-ХАУС, ЭНСЛОУ, БК.

Анжелика оторвала бумажку и зажала в руке, как нищий, которому бросили милостыню. Опасливо оглянувшись по сторонам, прижала объявление к груди, словно на нее могли наброситься другие желающие и отнять вожаделенную вакансию. Вдруг пришло в голову, что ее действия могли привлечь чье-то внимание.

Но судя по всему, в Нельсоне привыкли к разным странностям, никто даже не взглянул в ее сторону. Энжи призвала себя к спокойствию и еще раз, не торопясь, прочитала объявление. В нем отсутствовала дата, значит, место могло оказаться занятым. Бумага успела слегка обтрепаться по краям и выглядела немного подмокшей. Впрочем, текст настолько недружелюбный, что заинтересоваться этой вакансией мог только какой-нибудь вконец отчаявшийся бедолага вроде нее.

Энжи не знала, достаточно ли «зрелой» выглядит, но потом убедила себя, что двадцать пять – это безусловная зрелость. Ее никто не мог бы назвать «балаболкой», несмотря на открытый нрав и доброжелательность, которые, вероятно, и явились главной причиной теперешних проблем.

Анжелика Уизерспун стала объектом преследования.

Преследование. Казалось, такое бывает только в кино. Три месяца назад она согласилась выпить чашечку кофе с человеком, которого просто пожалела. И с тех пор все пошло кувырком.

Она заставила себя не думать о том, как следовало поступить, чтобы этого не случилось, и сосредоточилась на листке бумаги, который держала в руке. Прочитала объявление в третий раз. В голове возник образ пожилого джентльмена, немного сварливого и скуповатого, похожего на мультипликационный персонаж. Он остался один и нуждался в помощи по хозяйству.

А Энжи нуждалась в небольшой передышке. И вот она. За нее надо хвататься обеими руками. Она почувствовала прилив решимости. Учитывая познания в домоводстве, Анжелика могла считать себя достаточно квалифицированной для такой работы.

– Извините. – Она с удивлением и стыдом услышала, как жалко звучит ее голос. Неужели то, что начиналось как досадный раздражитель, а потом вылилось в нечто более опасное, смогло за такое короткое время так сильно ее изменить?

Проходивший мимо мужчина носил дреды и, несмотря на июльскую жару, был одет в яркий вязаный балахон в полоску, из-под которого вместо штанов торчало что-то похожее на юбку. Когда он остановился и посмотрел на нее, Энжи заметила внимательные добрые глаза.

– Как проехать в Энслоу?

– Езжайте по шоссе, идущему вокруг озера. Это всего тридцать шесть миль, но ехать будете не меньше часа. На шоссе очень ветрено.

– Можно подумать, в Британской Колумбии бывает по-другому, – устало откликнулась Энжи.

– А-а, вижу, вы из Альберты.

Вот так, сама того не желая, она рассказывала о том, в какой провинции Канады она живет. А если ее преследователь будет задавать вопросы? Нет, вряд ли. Анжелика понимала, что для Уинстона вероятность встретить этого мужчину и спросить про нее близка к нулю.

– Точнее из Саскачевана, – соврала она и постаралась отделаться от неприятного чувства вины от вранья. – Вы что-нибудь слышали про Стоун-Хаус в Энслоу?

– Нет, но ничего не имею против разнообразия.

Учитывая божественную внешность незнакомца и исходивший от него резкий запах травки, Анжелика поняла, о чем он, и улыбнулась. Впервые с тех пор, как, вернувшись домой неделю назад, обнаружила, что старания Уинстона проникнуть в ее жизнь набирают обороты. Двери в ее новую квартиру были заперты, но на кровати вплотную к подушкам сидела новая плюшевая панда с красным бантом. Энжи могла поклясться, что платяные шкафы кто-то открывал. Это стало последним эпизодом в череде все больше пугавших событий, начавшихся три месяца назад, когда она имела неосторожность сказать невинное «да» на предложение выпить кофе.

Ужас, в который привел ее медведь с красной лентой, напоминавшей перерезанное горло, заставил ее обратиться в бегство. Но даже спустя неделю, где бы ни находилась, она не чувствовала себя в безопасности. Выехав из Нельсона, остановилась только раз на поляне для пикников, где уже отдыхали несколько семей, чтобы наброситься на сэндвич с арахисовым маслом. И вот теперь через полтора часа пути, следуя инструкциям, полученным в Энслоу, она остановила машину перед украшенным великолепными каменными столбами въездом на территорию нужного ей дома. Анжелика немного помедлила, но железные ворота стояли открытыми. И если она искала место, где могла бы безопасно отсидеться, – это определено именно оно.

Она не видела дома, только длинную тенистую подъездную дорогу, исчезающую за крутым поворотом. Энжи медленно двинулась по дороге, повернула, но дома по-прежнему не увидела. Перед ней тянулась аллея, проложенная по прекрасному старому лесу. Открыв окно, она оказалась в окружении чудесных ароматов, птичьего пения и солнечного света, игравшего на опавших сосновых иголках.

Напряжение слегка отступило, но тем сильнее ощущалась накопившаяся усталость.

Дорога, лениво извиваясь по лесу, спускалась все ниже и ниже к воде и вдруг неожиданно вывела на зеленую лужайку, откуда открывался вид на необозримое пространство озера Кутеней. А потом она снова оказалась в лесной тени.

Еще добрых пятнадцать минут езды – и вот он дом. Энжи ожидала увидеть каменное строение. Однако единственное, что могло послужить основанием, огромный природный валун серого цвета, выступавший из озерной воды, плоская поверхность которого служила фундаментом. Ворота и воображаемый образ дряхлого старика, засевшие у нее в голове, позволяли ожидать, что дом окажется старым и даже ветхим. А ей открылся настоящий шедевр современной архитектуры, вписанный в окружающую природу. Судя по виду, дом процентов на девяносто был сделан из стекла, отражавшего небо, деревья и листья, одновременно позволявшего видеть внутренний интерьер, похожий на паривший в воздухе оазис.

Благодаря огромной площади остекления дом просвечивал насквозь от белого кожаного дивана-трансформера и камина до пристроенной с противоположной стороны террасы. На ней, несмотря на огромный размер, виднелся гамак, расположенный так, чтобы наилучшим образом наслаждаться потрясающим видом на озеро.

И место, и сам дом поражали невероятной красотой. Энжи подумала, что у того, кто здесь живет, должно возникать ощущение, будто он находится одновременно и в лесу, и на озере. Теперь она уже не могла представить, чтобы в таком доме обитал скуповатый старик.

Внезапно ее охватило нелепое чувство собственной незащитности. Она совершенно одна, и никто, кроме случайного прохожего из Энслоу, у которого она спрашивала дорогу, не знал, что она здесь. Что, если это прыжок из огня да в полымя?

Спокойно! Какова вероятность, что за столь короткое время она нарвется еще на одного неадекватного типа? Ноль!

Если рассуждать трезво, трудно представить более отчаянное положение, чем то, в котором она находилась с этим жалким хлебом и арахисовым маслом. И хотя за последние три месяца Энжи стала гораздо неуверенней и трусливей, пришлось собрать остатки мужества и сделать то, что необходимо.

Повернув на себя зеркало заднего вида, она провела рукой по волосам, одернула блузку и попыталась разгладить мятые шорты, внезапно показавшиеся какими-то слишком короткими. Но, несмотря на усилия, Энжи ничего не могла сделать с несколько помятым видом, который приобрела за неделю непрерывного бегства.

Наконец, отбросив мысли о внешнем виде, она припарковала машину под высокой сосной и направилась к дому. На случай если придется спешно убираться, она оставила ключи в зажигании и не стала закрывать дверь машины.

Шагая по продуваемой всеми ветрами дорожке к входной двери, она снова оказалась во власти птичьего пения и густых древесных ароматов.

Двустворчатая дверь была сделана из нержавеющей стали с вытравленным на ней геометрическим рисунком в виде пересекающихся квадратов. Листва соседних деревьев отбрасывала на нее густую тень. Несмотря на то что явно нуждалась в чистке, она больше походила на артобъект, чем на обычную дверь.

Решительно взявшись за стальное кольцо в центре, Энжи постучала. Звук получился чистым и громким, как гонг в буддийском храме. Пока она представляла, как он разносится внутри дома, дверь бесшумно открылась. Чувствуя, как отпала челюсть, она поспешила закрыть рот.

Стоявший перед ней человек не имел ничего общего со старым скрягой. Он был поразительно красив и выглядел лет на тридцать с небольшим. Высокий, с атлетической фигурой. Каштановые волосы, напоминавшие расплавленный темный шоколад, довольно длинные, слегка растрепанные. Они касались незастегнутого ворота белой джинсовой рубашки, которую не помешало бы погладить. Добавить к этому лицо пирата, только что сошедшего с корабля, с двухдневной щетиной на щеках и подбородке. Мужчина стоял, широко расставив длинные ноги с крепкими мышцами, проглядывавшими под выцветшими голубыми джинсами, босиком, что наверняка выглядело сексуально, если бы Энджи не волновалась. Поспешно оторвав от них взгляд, она посмотрела мужчине в лицо.

У него были поразительные серо-голубые глаза, как беспокойные воды озера, которое она видела сквозь стеклянную стену у него за спиной. Только озерная вода выглядела в этот жаркий день весьма дружелюбно, чего нельзя сказать о выражении его лица и особенно глаз. И все же их очевидную сексуальность невозможно было не заметить.

Пару секунд мужчина смотрел на нее, сдвинув брови и удивленно опустив уголки губ.

– Нет, – сказал он. Всего одно слово. Но, несмотря на откровенную недоброжелательность, голос заставил Анжелику с особой остротой ощутить его опасную привлекательность.

Мужчина, очевидно, не разделял ее настроения, потому что закрыл дверь. Замок щелкнул с металлической неотвратимостью.

Глава 2

– Нет.

Резкий отказ еще долго звенел в ушах. Странно, но первой реакцией на то, что у нее перед носом захлопнули дверь, стало облегчение. Она напомнила себе, что больше не хочет казаться привлекательной в глазах мужчин. Это опасно. Кроме того, если бы он оказался неадекватным, мог воспользоваться уединенностью этого места и затащить ее в дом. А он прогнал. Хотя, вспоминая его мужественное лицо, умные глаза, уверенную манеру держаться, Энжи понимала, что неадекватность здесь совсем маловероятна.

Правда облегчение, которое она испытала перед закрывшейся дверью, имело отношение не только к тому, что мужчина явно не извращенец, поджидавший очередную несчастную, попавшую в беду. Просто ее реакция на его привлекательность оказалась слишком откровенной и сильной. Энжи не могла себе этого простить.

В прошлом году жених Анжелики Гарри бросил ее ради того, чтобы уехать жить в Таиланд с более интересной подружкой. А теперь ее преследовал маньяк. Если кому и выказывать полную индифферентность к чарам противоположного пола, так это ей! Но, судя по всему, дело обстоит иначе. Оставалось лишь радоваться, что дверь захлопнулась, развеяв иллюзии.

А Энжи не радовалась. По правде сказать, облегчение от отказа оказалось кратковременным и уступило место бурному возмущению его поведением, куда более приятным, чем боль, не покидавшая с тех пор, как Гарри растоптал ее мечты. И куда более приятным, чем страх, заставлявший шарахаться от собственной тени, преследовавший с тех пор, как Уинстон начал все активнее вторгаться в ее жизнь.

В одну секунду Энжи решила, что больше не станет играть роль жертвы. Кроме того, ей совершенно необходимо место домработницы в этом доме. Она воспринимала его как ответ на молитву, которую шептала всего несколько часов назад, стоя у доски объявлений в Нельсоне.

Анжелика сделала глубокий вдох. Собрала волю в кулак. Вздернула подбородок и подняла плечи. Снова взялась за стальное кольцо на двери и ударила со всей решимостью, на какую была способна.

– Да чтоб тебя, – буркнула она себе под нос, когда поняла, что хозяин Стоун-Хауса, похоже, решил ее игнорировать.

Рука вцепилась в кольцо с отчаянием утопающего, хватавшегося за соломинку, и в этот миг дверь распахнулась.

От неожиданного толчка Энжи споткнулась и влетела прямо в прохладный, отделанный мрамором холл. Чтобы смягчить падение, выставила вперед руки и уперлась в каменную грудь мужчины.

Она тупо смотрела на ладони у него на груди, сквозь ткань рубашки ощущала ровное неторопливое биение его сердца и на удивление теплое тело. Она чувствовала его стальную мощь. От него исходил какой-то невероятно волнующий, лишающий дара речи и в высшей степени мужской запах. Запах солнца, озерной воды и сосен. С трудом оторвав взгляд от широкой груди, она подняла голову.

Потрясающие глаза цвета бурлящей воды сосредоточенно смотрели туда, куда упирались ее руки, по какой-то странной причине отказывавшиеся сдвинуться с места. Она судорожно глотнула воздух, вышла из транса и резко опустила их. Сделала широкий шаг назад.

Мужчина отвел глаза и, наклонив голову, взглянул ей в лицо.

– Вы еще здесь?

Его голос звучал спокойно, но глаза сузились от раздражения. На щеке пульсировала крохотная жилка. Он выглядел потрясающе.

– М-м-м.

– Да?

– Мне просто надо понять.

– Понять?

– «Нет» – это что? – Энжи очень старалась сохранять спокойствие. Напомнила себе расправить плечи и выставить вперед подбородок.

Мужчина удивился, что она имеет наглость задавать вопросы, и пристально уставился на нее.

– Я хочу сказать, разве так отвечают? Одним-единственным словом «нет»? Вы ведь даже не знаете, зачем я здесь.

Она ведь поклялась больше не быть жертвой. Однако пришлось сделать над собой усилие, чтобы не дергаться, держать подбородок и плечи. Мужчина молча рассматривал ее из-под насупленных бровей прищуренными глазами; она могла поклясться, что он нарочно заставляет ее томиться ожиданием, чтобы вывести из равновесия. Она изо всех сил старалась держаться.

В конце концов он вздохнул с явным раздражением. Его дыхание, коснувшись ее щеки, показалось похожим на поцелуй, и Энжи с трудом удержалась, чтобы не потрогать щеку.

– Нет на все, что вы продаете. – Голос звучал твердо и сердито и совсем не подходил человеку, способному поцеловать одним дыханием.

– Но вы даже не знаете, что я продаю! – Черт, неужели у нее дрожит голос?

– Знаю, – рыкнул он.

– Не знаете, – упрямо повторила она.

– Знаю.

Знаю. Это слово напомнило ей о Гарри. Даже вырванное из контекста, оно наполнило тоской, заставлявшей презирать себя. Сколько раз девчонка должна получить по зубам, прежде чем поймет, что в реальной жизни не бывает рыцарей в сияющих доспехах, а «долго и счастливо» бывает только в сказках. Все эти иллюзии до добра не доведут.

– Какое-нибудь дурацкое печенье, образовательную литературу или билеты на школьный спектакль. И на все это я говорю «нет».

Ну надо же! Да этот тип закоренелый скептик. Уж он-то точно никогда не стал бы жертвой собственных иллюзий.

– Должна сказать, что вы ошиблись по всем статьям. Я ничего не продаю.

Этот человек явно не привык к тому, чтобы его уличали в ошибках. Она сразу поняла это по угрожающе нависшим бровям. С ним надо держать ухо востро и не перегибать палку. Тем более что он может стать ее боссом!

– Я приехала по вашему объявлению, которое висело в Нельсоне.

Твердая линия его губ изогнулась уголками вниз. В сочетании с нависшими бровями это выглядело безнадежно. Будущий босс злился на нее, понятия не имея, о чем она говорит.

– Вы давали объявление, что вам нужна домработница.

Брови мужчины подскочили вверх, взгляд скользнул по фигуре Энжи.

– А-а, это...

– Да, это.

Он бросил на нее еще один долгий взгляд, видимо оценивая профпригодность. Она попыталась придать лицу самое подходящее для домработницы выражение.

– По этому поводу категорическое «нет».

Дверь снова начала закрываться, и Энжи в порыве отчаяния выставила ногу, чтобы ее остановить. Мужчина с удивлением и нескрываемым недовольством опустил на нее глаза,

потом бросил взгляд, полный ледяной сдержанности, заставивший ее мгновенно смутиться и убрать ногу. Однако Энжи выдержала и не двинулась с места. Хозяин дома снова недовольно посмотрел на ее ногу, но она отказывалась отступить. Просто не могла!

Через секунду он снова вздохнул. Энжи снова почувствовала на щеке тепло его дыхания.

Он широко открыл дверь и уперся потрясающим широченным плечом в косяк, однако его непринужденная поза не могла ее обмануть. Каждый мускул буквально вибрировал от злости. Сложив руки на широкой груди, мужчина наклонил голову и ждал объяснений ее наглому поведению. Однако ледяная отстраненность лишь добавляла ему привлекательности. И все же раздраженный нетерпеливый изгиб слишком твердого рта заставил Энжи отбросить неуместные мысли о том, что скрывается под этой холодностью. А так хотелось узнать.

Этот человек пробуждал в ней безумные мысли. Потому что любовь уже успела ей преподнести полную чашу страданий.

Сначала Гарри решил, что их мечты о совместном будущем безнадежно скучны, и с обидной быстротой нашел более экзотическую и волнующую замену. А потом ее коллега Уинстон воспользовался тем, что разбитое сердце сделало Энжи такой уязвимой. Поддавшись его постоянным приставаниям, она всего лишь раз согласилась выпить с ним кофе. Он воспользовался этим, чтобы вторгнуться в ее жизнь.

Анжелика разозлилась на себя. С таким багажом она вообще не должна замечать, как выглядит хозяин Стоун-Хауса. И какой у него голос. И чем он пахнет. И что его дыхание так нежно касалось ее щеки. Если бы был выбор, она убежала прочь. Но выбора не было. Энжи охватило отчаяние. Продолжая удерживать дверь ногой, она решительно произнесла:

– Мне нужна эта работа. – Мужчина молчал. – Правда, очень нужна.

– Понятно. Вы не подходите. – Судя по всему, он был настроен не менее решительно, чем она. Даже более.

– Почему?

– Вы недостаточно зрелая.

– Полагаю, это зависит от того, что понимать под словом «зрелая».

– Взрослая.

– Насколько взрослая? Пятьдесят? Шестьдесят? Семьдесят? Восемьдесят?

Взрослость совсем не означала высокую квалификацию в профессии домработницы.

Какое-то время мужчина молчал, потом уголок его соблазнительного рта безрадостно приподнялся.

– Старше, чем вы.

– Уверена, комиссия по правам человека нашла бы, что сказать вам по поводу отказа дать мне работу – которую я, кстати, прекрасно умею делать – из-за моего возраста.

Его улыбка стала шире. Холодная, недружелюбная, пугающая. И внезапно исчезла. Он нахмурился.

– Вы мне угрожаете?

Энжи пришло в голову, что злить его, пожалуй, наихудший способ получить место.

– Ни в коем случае. Просто мне кажется, что вы могли бы более доброжелательно отнестись к претенденту, готовому работать, особенно если хотите найти высокоорганизованного, трудолюбивого и порядочного работника.

– Намекаете, что вы живое воплощение всех этих качеств?

То, что он не стал отпихивать ее ногу и не захлопнул дверь перед носом, давало некоторую надежду. Хотя нельзя сказать, что он не похож на человека, способного применить силу, чтобы добиться своего. Он смотрел угрожающе. Любой, кроме человека в крайних обстоятельствах, уже давно сбежал бы отсюда.

– У меня безвыходное положение.

– Ваше положение меня не...

– Могу поспорить, на ваше объявление никто не откликнулся, – предположила она. –

Да и кто стал бы откликаться на такое.

– Например, вы.

– Я в безвыходном положении, но не только.

– Рад за вас, – откликнулся он язвительно; казалось, будто ее кольнули ножом.

– Я действительно высокоорганизованный, трудолюбивый и порядочный человек.

– Вы слишком молоды.

– Хм. Мне кажется, молодость для такой работы преимущество.

Мужчина молчал. Энжи ринулась вперед.

– Я буду очень стараться. Вы меня полюбите.

На его лице появилось выражение обидного сомнения. Как она могла такое сказать? Он ее полюбит? Да рядом с таким человеком даже мысленно нельзя произносить подобных слов.

– Я готова день поработать бесплатно. Если не понравится, вы ничего не потеряете.

Он мрачно посмотрел на нее.

– Послушайте, мисс...

– Нельсон, – вставила она, воспользовавшись названием городка, через который проезжала. – Брук Нельсон. – Так. Новое имя. Энжи взяла половину от Крэнбрука – еще один город на ее пути во время этого сумасшедшего бегства – и фамилию Нельсон.

Она затаила дыхание. Напряжение подтверждало, что к новому имени просто необходима новая жизнь.

Глава 3

Джефферсон Стоун рассматривал непрошеную гостью. Когда она назвала свое имя, у него по спине пробежал холодок. Он понял, что она лжет. Лгать у нее не очень получалось. Совсем не получалось.

Джефферсон позволил себе присмотреться к ней ближе. Брук Нельсон, или как там ее, на самом деле выглядела на редкость симпатично в летней блузке с ярким рисунком и белых шортах. Не очень высокая, худенькая; казалось, подуй ветер сильнее, подхватит ее и унесет.

И все же, когда ее руки уперлись в грудь, он почувствовал в ней что-то вполне материальное. От прикосновения внутри что-то екнуло. Совершенно ненужное ощущение. Впрочем, как и она.

Однако трудно делать вид, что ничего не заметил, когда перед тобой женщина с практически голыми ногами. Разозлившись на себя, Джефферсон отбросил эту мысль и продолжил изучать претендентку на роль домработницы. Процесс изучения лишь подтвердил то, что он уже знал. Она не подойдет.

У нее пышные волосы, чуть темнее, чем блонд, но еще не каштановые. Скорее темно-золотистые, как песок на пляжах Новой Зеландии. Она стригла их коротко, чтобы, как он подозревал, заставить упругие кудри вести себя прилично. Но бесполезно. Они беспорядочно обрамляли голову. Глаза цвета лесного ореха вобрали в себя краски золотой осени: золотые, зеленые, коричневые. Возможно, благодаря рассыпанному по всему носу веснушкам, ее лицо с изящными чертами выглядело здоровым и добропорядочным, даже притом, что она соврала насчет имени.

Чувствовалась в ней какая-то искренность. Вопреки молодости и коротким шортам, она казалась строгой и правильной, будто даже плохие слова могли повергнуть ее в шок. И это, безусловно, вносило свою лепту в то, что она не годилась ему в качестве домработницы.

Из-за ее хрупкости Джефферсон решил, что она совсем юная. Но при ближайшем рассмотрении увидел, что женщине не меньше двадцати пяти. И все же она выглядела именно так, как девушки-волонтеры, которые продают сладости с благотворительными целями, или мечтают изменить мир к лучшему, или участвуют в постановках жутких мелодрам силами учеников старших классов.

А он знал, что это такое. Потому что давным-давно, в прежней жизни сам принимал участие в таком спектакле.

Джефферсон тряхнул головой. Он не хотел никаких напоминаний о прошлой жизни.

Кроме того, Брук не имела ничего общего с его представлением о том, как должна выглядеть домработница. Той полагалось быть седой, добродушной, не болтливой и, исполняя роль буфера между ним и внешним миром, не путаться под ногами.

Брук Нельсон, несмотря на положительную внешность и уверения в собственной порядочности, соврала о том, как ее зовут. Она должна уйти.

– Послушайте, мисс... Нельсон. За последние три недели здесь побывали три домработницы.

– Хотите сказать, кто-то откликнулся на такое объявление?

– Не совсем так. Это объявление стало результатом предшествующих ошибок.

Ошибка в том, что он упомянул Мэгги из «Энслоу Эмпориум», что ему нужна помощница по хозяйству. Разве он мог предвидеть, что сказать об этом Мэгги, которую он знал с шести лет, равноценно размещению объявления в местном клубе одиноких сердец.

– Расскажите, что вас не устроило в моих предшественниках.

Вопрос заставил его нахмуриться. Эта малышка еще и дерзкая. Интересно, какую часть слова «нет» она не поняла? Но раз уж даже захлопнутая перед носом дверь не остановила ее, отчего бы не продемонстрировать в красках, насколько она не подходит на эту роль?

– Ладно. Первая оказалась незрелой. Мэнди носила вьетнамки и имела раздражавшую привычку постоянно надувать пузыри из жвачки, за исключением тех случаев, когда набирала эсэмэски. По какой-то причине это занятие требовало, чтобы челюсть оставалась неподвижной. Всего через три часа после того, как здесь появилась, Мэнди постучалась в мой кабинет, чтобы пожаловаться на плохое соединение с Интернетом на террасе. А когда я сказал, что больше не нуждаюсь в ее услугах, еще и обиделась.

Джефферсон не стал упоминать о заявлении Мэнди по поводу того, что, если он даст ей шанс, она готова закрыть глаза на разницу в возрасте. Провожая ее до двери, он испытал невиданное доселе желание избавиться от нее до того, как выяснит, что она имела в виду под словом «шанс».

– Вторая тоже оказалась незрелой. Слишком сильно красилась, носила слишком короткую юбку и выглядела слишком заинтересованной.

– В вас?

Джефферсону не хотелось вдаваться в подробности. Он был парнем из маленького городка, который уехал, преуспел и вернулся с женой. Прежде чем говорить о чем-то с Мэгги, он должен был понять, что теперь, три года спустя после того, как погибла Хейли, большинство простых хороших людей видели в нем трагическую фигуру. Впрочем, ничего нового. В шесть лет, когда умерли его родители, он переехал жить к бабушке с дедушкой. Иногда задавался вопросом, почему вернулся в это место, где навсегда остался маленьким сиротой.

А теперь стал еще и вдовцом, и все до единого считали, что ему нужна не домработница, а новая жена.

– Со мной вы можете об этом не беспокоиться, – заверила Брук. – У меня совсем нет романтических наклонностей. Никаких.

Она выглядела слишком молодой, чтобы успеть всерьез обзавестись таким скептическим отношением к любви. Джефферсону невольно вспомнилась пугающая алчность домработницы номер два.

Он предпочел сосредоточиться на ее профессиональных изыянах, чем рассказывать Брук всю правду.

– Кроме того, она говорила *«ложить»* вместо *«класть»*. *«Вам туалетную бумагу куда ложить?»*

– Насчет моей грамотности вы тоже можете не волноваться. На свете найдется не так много вещей, к которым я привязана так же сильно, как к родному языку и его правильному использованию.

– Хм. По правде сказать, это не самое ценное качество для настоящей домработницы. Думаю, туалетная бумага и ее правильное размещение должны волновать ее больше.

Щеки женщины окрасил нежный румянец.

– Я студентка, и мне отчаянно нужна работа на лето.

Ее «отчаяние» казалось искренним, Джефферсон это видел. Но, заявляя, что студентка, Брук медленно скосила глаза вправо.

– Третьей домработницей была Клементина. – Клементина появилась после того, как он снова побывал в «Эмпориуме» и высказал Мэгги все, что думал. – В плане зрелости она оказалась более подходящей. На самом деле она подруга моей бабушки. Но с первой секунды, как появилась здесь, Клементина начала говорить и больше не замолкала.

Джефферсон вспомнил, что ее не остановила даже запертая дверь его кабинета.

– Протирая пол перед моим кабинетом и полируя ручку двери, она непрерывно трещала про своего Сэма. Это ее муж. Про Мики и Дориана. Это дети. Про Сильвестра и Терри – попугай и кот.

Внезапно ему пришло в голову, что на сей раз разболтался он. Незнакомке, которую он, кстати, не собирался нанимать, наверняка не нужна эта информация. Возможно, это следствие того, что он слишком много времени провел в одиночестве. Три неудавшиеся домработницы не в счет.

– Я три дня не выходил из кабинета, но Клем так и не переместилась в другую часть дома. В конце концов, чтобы избежать пересудов, я подсунул под дверь щедрый чек и любезную записку, где написал, что она мне больше не нужна. И только после этого наступило то, о чем я так мечтал. Благословенная тишина.

Ему удалось закончить рассказ, не выдав действительно фатальный недостаток Клементины. У старушки была разведенная падчерица и три одинокие племянницы, и она считала, что он должен познакомиться со всеми.

Губы Брук изогнулись. Этот намек на улыбку лишь усилил ощущение, что он совершенно не нуждается в ее услугах. Красивая женщина, которая будет его отвлекать. Однако за неуверенной улыбкой Джефферсон уловил напряженность, сквозившую во всем ее облике: в линии плеч и шеи, в глазах.

– Должно быть, не просто уволить подругу бабушки.

– Вы даже не представляете.

Однако, глядя на Брук, он вдруг почувствовал, что она представляет.

– Почему вам вдруг понадобилась домработница? Вы пытаетесь найти замену той, которая вас устраивала?

Джефферсон помрачнел. Кто здесь задает вопросы?

– Нет, до сих пор мне никто не был нужен.

– А теперь?

Он вздохнул.

– В минуту слабости я разрешил одному архитектурному журналу сделать фотографии дома.

– В минуту слабости? Этот дом просто шедевр. Вам должен льстить их интерес.

– Поначалу так и показалось. Но когда назначили дату съемок, я понял, что понадобится привести в порядок дом, а мне совершенно некогда этим заниматься.

– Когда фотосессия?

– Через две недели. – Джефферсон понимал, что своими словами лишь вызывает еще большую заинтересованность, а никак не способствует его намерению отделаться от нее.

– За две недели я смогу полностью привести ваш дом в порядок. Обещаю.

Он задумался, понимая, что проявляет слабость. Но ему действительно нужен кто-то, способный подготовить дом к съемкам, дата которых приближалась быстрее, чем он рассчитывал. К тому же он подозревал, что, судя по отсутствию других претендентов по району, где все друг друга знали, о нем уже пошел слух как о самом придирчивом работодателе. А значит, любой здравомыслящий человек понял бы, что эта молодая женщина просто подарок судьбы.

Но только не Джефферсон Стоун.

Нет, ни Нельсон Брук, ни Брук Нельсон, ни кто она там не будет здесь работать, несмотря на то, что больше никто не откликнулся на объявление. Просто нужно на неопределенное время отложить злополучную фотосессию. Эта мысль принесла облегчение. Он протянул руку к двери, намереваясь потихоньку закрывать ее, пока женщина не уберет ногу.

Внезапно на дереве, под которым претендентка на место домработницы припарковала машину, громко и хрипло каркнула ворона. И тут же на крышу машины упала сосновая

шишка, выпавшая у нее из клюва. От неожиданности оба звука, прозвучавшие в сонной тишине летнего вечера, показались особенно пронзительными. Женщина вскрикнула, метнулась вперед и налетела на Джефферсона. Второй раз за последние несколько минут она прикасалась к нему.

Только теперь она прижалась к нему вся, заставив с особенной остротой ощутить женскую мягкость. И особенно остро почувствовать, что он слишком замешкался, перед тем как отстранить ее от себя.

– Извините, – заикаясь, пролепетала Брук, но он успел уловить выражение ее лица, когда она посмотрела назад через плечо. Затравленный взгляд оленя, преследуемого стаей волков. Она снова повернулась к нему, но, несмотря на старания держать лицо под контролем, Джефферсон ощутил тревожно бившийся пульс в основании ее шеи.

Казалось, сам воздух вокруг нее дрожал, мышцы напряглись до предела, под глазами залегли темные тени, на которые он раньше не обратил внимания. Бросив взгляд ей за спину, он увидел, что дверь машины открыта, будто она подготовила себе путь к быстрому отступлению.

Брук Нельсон явно чего-то боялась.

Джефферсон с удивлением обнаружил, что ее страх пробил броню, в которую он так старательно заковал свое сердце. Будто тоненький лучик света нашел дорогу туда, где царил сплошной мрак. Внутри шевельнулось почти забытое чувство приличия, чувство принадлежности к семейству людей, которое, к вящему беспокойству обитателей Энслоу, ему удалось игнорировать все эти три года.

Джефферсон застыл как каменный. На миг вспомнились бабушка с дедушкой, выросшие его в маленьком домике неподалеку отсюда. Они были людьми старой закваски, порядочными до мозга костей. Они бы никогда не отказали человеку, нуждавшемуся в помощи, и никто до такой степени не ощутил это на себе, как он сам. Он вдруг ясно представил неодобрительные взгляды на их лицах, если бы сейчас закрыл дверь. Глубоко вздохнув, он посмотрел в умоляющие глаза непрошеной гостьи.

Неужели он стал таким? Неужели так очерствел после смерти жены, что мог закрыть дверь перед лицом испуганной женщины?

– Господи, – процедил Джефферсон сквозь зубы. Он ежедневно принимал решения, таким образом зарабатывая себе на жизнь. Они несли перемены в существовании целых городов, затрагивали огромные предприятия и транснациональные корпорации. Зачастую приносили миллионы долларов и обеспечивали людей до конца жизни. Зато решение, которое в одну секунду могло определить, что он за человек, далось труднее всего.

Джефферсон Стоун сделал шаг в сторону от двери. Большого и не потребовалось. Брук Нельсон со скоростью пушечного ядра влетела в дом. В его жизнь.

– Спасибо вам.

– Я еще ничего не решил, – мрачно ответил он, хотя уже знал, что это не так.

И Брук Нельсон тоже это знала. Она улыбнулась: – Не рассчитывайте, что вам придется легко.

Джефферсон злился на себя за то, что принял решение не рационально, а поддавшись эмоциям, и теперь должен вернуть отношения в сугубо деловое русло, дав понять, что ее наняли исключительно как профессионала.

– В доме есть места, куда давно никто не заглядывал. – Он уже собирался сказать, что, если она не приведет их в порядок, он не станет терпеть ее дольше, чем предшественниц.

Однако Брук заговорила раньше, чем он успел ее припугнуть.

– Я еще с порога заметила, что в доме не все в порядке. Нужно почистить дверь. Вы наверняка используете какое-то особенное средство, верно?

– Не имею понятия. Это ваша работа, а не моя. – Джефферсон попытался компенсировать момент слабости, но она, похоже, не замечала недружелюбного тона.

– У вас здесь есть Интернет?

– Моя работа напрямую зависит от связи, хотя Мэнди – первая домработница – отзывалась о ней неодобрительно.

– Я просто хочу посмотреть, чем пользуются для ухода за такими дверьми. Это такая же нержавейка, какую используют для кухонной посуды?

Он невольно задумался над вопросом. Брук Нельсон сразу сосредоточилась на работе и даже не стала спрашивать, чем он занимается. Это давало надежду, что она не любопытна и его спонтанное решение взять ее не приведет к катастрофе.

– Да.

– Дома я использую для подобных целей несколько капель растительного масла.

Значит, у нее есть дом. Где-то. И возможно, даже неплохой, если в нем пользуются кухонной посудой из нержавейки. Несмотря на свое намерение держаться строго по-деловому, Джефферсон учуял в личной жизни новой домработницы какие-то проблемы с мужчиной. Она заявила, что не имеет никаких романтических намерений, а это обычно означает «разбитое сердце». Если она скептически настроена к любовным отношениям, еще лучше. Это защитит его не хуже, чем «зрелость» и «немногословность». И, несмотря на то что у Джефферсона своя история, превратившая сердце в камень под стать его фамилии, он чувствовал необходимость держать забрало опущенным, чтобы продемонстрировать ей такое же отсутствие любопытства, какое демонстрировала она!

Однако тут не только проблемы с мужчиной. Она чего-то боится.

Глава 4

Джефферсон недоумевал, почему очевидный страх Брук вызвал у него это странное неопределенное ощущение, но чувствовал, что нужно держаться от него подальше.

Последнее время ему, вопреки усилиям местных жителей, удавалось существовать, не создавая себе сложностей в виде неконтролируемых эмоций. Он предоставит Брук Нельсон передышку, хотя это не значит, что станет влезать в ее драму. Этот дом до неприличия просторный, и он сможет без особых усилий не встречаться с ней в течение дня.

Тем не менее определенные сложности все же могли возникнуть. Вот сейчас Брук стояла в гостиной, и, несмотря на то, что окна обеспечивали максимальное количество света, ему казалось, что вместе с ней в комнату вошло солнце. Джефферсон ворвался в гостиную, поджав губы, прищурив глаза и оперев руки в бока.

– Вау! – воскликнула она.

Он подумал, что это относится к архитектуре, обычно внушавшей посетителям благоговейный восторг. Однако Брук повернулась к нему с неодобрительным видом.

– Как жаль, но видимо, ни Мэнди, ни Клементина так и не добрались до этой комнаты. Хорошо еще, что у вас нет аллергии. Сколько времени здесь не вытирали пыль?

– Точно не помню, – признался он, чтобы не говорить никогда.

– И, как я понимаю, если бы не фотосессия, так продолжалось бы и дальше.

– Именно так.

– Вы закоренелый холостяк, верно? Зачем такой красивый дом, если вы за ним не следите?

– Я вдовец.

Джефферсон не знал, зачем вдруг решил сообщить ей это, явно не для того, чтобы вызвать у нее большее снисхождение к своей неряшливости, чем если бы был холостяком.

В ее глазах мелькнуло сочувствие, и он почувствовал, что не хочет, чтобы его жалели. Джефферсон Стоун приехал в Энслоу сиротой, а позже потерял жену, так что, сочувствие и жалость сопровождали его всю жизнь. С него хватит. Он понял, что должен быть внимательнее, не допуская, чтобы их отношения выходили за рамки деловых.

– Мне очень жаль, – произнесла Брук тихим шепотом, способным вызвать у любого мужчины тоску по женской нежности.

Но у него все это было, он уже доказал себе, что совершенно не создан для этого. Он пожал плечами, будто хотел защититься от ее сочувствующего взгляда.

– Моя жена была архитектором и спроектировала этот дом.

– Да, это многое объясняет. – Он удивленно поднял бровь. – Вы не похожи на человека, которому приятно, что его дом будут фотографировать. Зато гордитесь своей женой. Это хорошо.

На самом деле Джефферсону вовсе не хотелось, чтобы она считала его хорошим, и он бросил угрожающий косой взгляд. Женщина, видимо, все поняла, потому что подошла к большой черно-белой фотографии, висевшей на стене.

– Кто это?

«Люди, ответственные за то, что вас еще не отправили отсюда вон», – подумал он.

– Это я с дедушкой и бабушкой на фоне их старого дома.

– Очень выразительная фотография.

Именно так отзывалась о ней Хейли. Ей не нравилось, когда на стенах развешивают семейные фото, но, откопав этот снимок, она увеличила его и перенесла на холст.

– Сколько вам здесь лет?

– Шесть.

Она повернулась и посмотрела на него.

– Почему у вас такой печальный вид?

Ну вот, началось. Хейли никогда не задавала вопросов об этой фотографии, видя в ней произведение искусства. Ей нравилась композиция, старые балки дома, собака на крыльце, вилы, прислоненные к забору. А эта женщина смотрела так, словно видела все его утраты, и это бесило Джефферсона.

– Незадолго до этого я потерял родителей. – Он старался говорить сухо, давая ей понять, что не ждет отклика, но все равно заметил ее потрясенное лицо, прежде чем она успела отвернуться и провести кончиком пальца по раме.

Взгляд Брук следовал за пальцем, она молчала. Но лицо сказала все. Она жалела его. Он мог бы сказать, что у этой женщины доброе сердце, хотя она и назвалась вымышленным именем. Она не просто жалела его. У нее разрывалось сердце. И Джефферсону это совсем не нравилось.

– Я беру вас только на время. Когда пройдет фотосессия, я вернусь к своему прежнему существованию. Возможно, надо подумать, устроит ли вас занятость всего на две недели.

Последняя отчаянная попытка дать понять, что это место ей не подходит. Вернее она не подходит ему.

– Временная работа – это именно то, что мне нужно. Две недели. Придется потрудиться.

Она очень старалась не показывать свое сочувствие, но в словах «Придется потрудиться» все равно слышалось «спасти вас». Но разве это не он спасал ее? Если думает, что поменяется с ним ролями, ее ждет неприятный сюрприз.

– Мы еще не оговорили условия. На какое вознаграждение вы рассчитываете?

– Я еще не прошла трехдневный испытательный срок.

Он посмотрел ей в лицо, по-прежнему казавшееся нежным, но он мог поспорить, что она из породы трудяг-отличниц. Если Брук Нельсон хотела произвести на него впечатление, ей это удалось.

– И все же.

Женщина назвала неприлично низкую сумму и добавила:

– Плюс комната и питание, конечно.

Джефферсон уставился на нее. Впрочем, стоит ли удивляться. Очевидно, она чего-то боится. Страх привел ее сюда, и она не хотела уходить.

– Я в процессе переезда, – неуверенно пояснила она и, видимо почувствовав, насколько неубедительно выглядит объяснение, добавила: – Этот дом кажется огромным. Разве здесь не найдется свободной спальни? Или двух? Или дюжины?

– Я не уверен.

– Кроме того, как хорошая домработница, я должна вам готовить. Будет проще, если я останусь здесь. Вы не находите?

Вот опять. За ее хвастливым заявлением «я самая хорошая домработница» сквозил страх.

Брук Нельсон – или как ее там – хотела остаться здесь. Под его крышей и под его охраной. Джефферсон подумал, что в качестве места, где можно спрятаться, Стоун-Хаус с легкостью занял бы первое место. Но, правда, не в том случае, если прятаться от самого себя.

Он невольно задумался, искала бы она приют у него, если бы знала, что однажды он уже не смог защитить другую женщину. Свою жену. Которая ждала от него защиты.

Еда. По правде сказать, Джефферсон никогда не думал о том, что домработница должна готовить еду. Он искал помощницу, чтобы привести в порядок дом перед съемкой, и уже собрался сказать, что готовка не входит в их договоренность, но вдруг с удивлением обнару-

жил, что не хочет этого делать. Джефферсон уже не помнил, когда последний раз ел домашнюю пищу. Во рту выступила слюна. Собственная слабость вызывала раздражение.

– Послушайте, вопреки здравому смыслу я дам вам шанс. Но предупреждаю, будете много болтать, вам придется уйти.

Ему показалось, что Брук хотела что-то сказать, но сморщила губы, приложив к ним пальцы и положив в карман воображаемый ключ. Прежде чем он почувствовал облегчение, она снова достала из кармана ключ и изобразила, что отпирает рот.

– Возможно, прежде чем дадим обет молчания, вам следует провести меня по дому, чтобы расставить приоритеты. А я составлю список того, что надо сделать в каждой комнате.

Разумная просьба. Как тут откажешь?

– Давайте начнем отсюда, – продолжила она, видя, что он молчит.

– Эта комната самая главная, я заметил на окнах пятна от дождя.

– Значит, окнам наивысший приоритет. Но я, наверное, приведу их в порядок непосредственно перед съемкой, чтобы сияли по максимуму. Хорошо?

– Хорошо. – На самом деле он так не думал.

– Пыль я вытру. У вас найдется лестница? Я вижу паутину. – Джефферсон хмуро посмотрел туда, куда она показывала. Он не любил пауков. Пока он думал, Брук подошла, хлопнула рукой по дивану. Поднялось облако пыли. – Это я почищу пылесосом, а если позволит погода, можно вытащить мебель на улицу и выбить.

Он не представлял, как она собирается вытаскивать мебель на улицу. Угловой диван был просто огромным. И, судя по всему, ей действительно может понадобиться лестница. Но на самом деле Джефферсон не хотел, чтобы она полезла на лестницу, потому и искать не собирался. Надо дать понять, что он не намерен втягиваться в какое-либо взаимодействие с ней. Он уже собирался возразить, когда Брук снова заговорила.

– Здесь спертый воздух. Думаю, если как следует выбить мебель, запах уйдет. – В его доме спертый воздух? – Для съемок хорошо бы придать дому более обжитой вид. Вы ведь почти не пользуетесь этой комнатой, верно?

– По правде сказать, да.

– Что скажете, если мы немного передвинем мебель?

Мы?

– И добавим немного цвета. Возможно, яркое покрывало на диван, несколько глянце-вых журналов, вазу с цветами.

– Вам не кажется, что это должен делать фотограф?

– Ну, если он не догадается прихватить вазу с цветами, можете считать, что вам не повезло, потому что ближайшая ваза окажется слишком далеко. С покрывалом я справлюсь сама, если позволите посмотреть, что у вас есть. Вы удивитесь, как много можно сделать из того, что уже есть. Я прекрасно умею пользоваться иглой и ниткой. Эту блузку я сшила сама.

Эти слова заставили его бросить неловкий взгляд на ее блузку. К счастью, Брук уже двинулась дальше.

– Эта комната, да и весь дом выглядят очень красиво, но не хватает уюта. Я с радостью помогу вам представить его в наилучшем свете.

Он внимательно присмотрелся к ней. Женщина уже выглядела гораздо счастливее, чем в момент приезда. Маленькая тревожная складка между бровей исчезла.

– Можете украсить комнату по своему усмотрению. Если понадобится что-то купить, дайте мне знать. – Он снова разозлился, потому что доверился ей, хоть и не во всем, но как-то бесповоротно. – Только не заходите в мой кабинет и спальню.

Настораживало то, что ему не хотелось пускать Брук в свою спальню – самое личное из всех помещений. Неужели эта крошка женского пола с непослушными кудряшками и

в блузке собственного пошива могла угрожать в том смысле, в котором Джефферсон уже давно не допускал никаких угроз.

– Но они наверняка захотят сфотографировать и эти комнаты?

– Я в состоянии самостоятельно привести в порядок две комнаты. – Его тон, хотя и вежливый, не предполагал дискуссий. Джефферсон заметил, что Брук прикусила губу, воздерживаясь от возражений. – Пойдемте, покажу вам кухню.

– Ого! – воскликнула она, войдя вслед за ним. – Вижу, этой комнатой вы пользуетесь.

Джефферсон посмотрел на кухню ее глазами. Раковина полна тарелок. И духовка тоже, хотя этого она еще не знает. Кухонный стол завален почтой, несколько конвертов валяются на полу. На рабочем столе рядом с кофемашиной липкие ложки и пятна кофейной гущи. Часто, возвращаясь с озера, он проходил с террасы прямо на кухню, следы босых ног отпечатывались на полу из дорогого дерева, который приобрел весьма плачевный вид.

Вместо того чтобы ужаснуться такому безобразию, Брук улыбнулась.

– Я нужна вам гораздо больше, чем вы думаете.

Джефферсон посмотрел на нее. Так же, как и в гостиной, с ее появлением на кухне стало как-то светлее. Появилось ужасное ощущение, что, возможно, она действительно нужна ему больше, чем он думал. Его жизнь превратилась в сплошную серость, состоявшую из работы и одиночества.

Но, черт возьми, ему это нравилось. И не нравилось то, что, пробыв здесь всего несколько минут, Брук узнала такие вещи, которых Джефферсон уже давным-давно предпочитал не замечать.

– Слушайте, мне надо работать. Остальное осмотрите сами. Я уверен, вы очень быстро разберетесь, что надо делать.

Уже собравшись уйти, он увидел, что Брук смотрит на письма.

– На этом стоит пометка «Срочно». – Она подошла к столу, подняла конверт.

Джефферсон протянул руку, чтобы забрать письмо. На какой-то миг их руки соприкоснулись, у него по спине пробежали мурашки. Должно быть, она тоже что-то почувствовала, потому что, отвернувшись от него, подошла к рабочему столу. Стол стоял вплотную к большому окну, выходящему на озеро. Но Брук не посмотрела в окно, а открыла шкаф.

– И этим вы питаетесь? – Она держала консервную банку с супом. Потом поставила назад и взяла банку тушенки. Джефферсон недовольно сложил руки на груди. Брук не обратила на это никакого внимания. – В консервированной пище очень высокое содержание натрия. В вашем возрасте за такими вещами нужно следить.

– В моем возрасте?

Она вдруг засмеялась. Звонким свежим смехом, похожим на журчание ручья по гальке.

– У вас есть свежие продукты?

– Вообще-то нет. Возможно, в морозильнике что-то найдется.

– Это не свежие. Что вы едите?

Ему вспомнились упаковки с замороженной едой для микроволновки.

– По настроению.

– Не важно. Я составлю список того, что надо купить. Как вы доставляете сюда скоропортящиеся продукты? По такой жаре? О мороженом я даже не говорю.

– Беру катер с холодильником. В Энслоу быстрее добираться по воде.

– Вы ездите в магазин на катере?

– Летом да.

– Очень романтично.

Она покраснела. И поделом. С работодателем не говорят о романтике!

– Если составите список, я съезжу завтра. – Едва ли это могло сойти за упрек по поводу упоминания о романтике. Скорее походило на признание того, что в доме появилась женщина!

– О, это очень хорошо. Если будут необходимые продукты, я с радостью что-нибудь приготовлю.

Ну вот опять, теперь с едой. Твердый человек сказал бы «нет», это не входит в ее обязанности, и он в состоянии сам себя обслужить. Но, как большинство мужчин, Джефферсон питал слабость к еде.

– Что, например? – услышал он собственный голос, стараясь припомнить, когда последний раз ел что-нибудь достойное. По воспоминаниям, в ресторане, когда по делам бизнеса уезжал в Портленд.

Словосочетание «домашняя еда» исчезло из его словаря больше десяти лет назад, с тех пор как умерла бабушка. Как же она любила готовить! Блюда из индейки, жареное мясо, картофельное пюре с подливкой. За основным блюдом всегда следовал пирог с сезонными фруктами: яблоками, вишней, ревенем. А когда он только переехал к ним, бабушка делала даже домашнее мороженое.

Хейли, как и он, была слишком занята работой. К тому же ей нравилось то, что называлось «nouveau cuisine», и она никогда не готовила сама и всегда делала испуганное лицо, когда он с любовью вспоминал бабушкину стряпню. «Все это такое вредное», – говорила она.

И все же Джефферсон никогда не чувствовал себя здоровее, набив живот тем, что готовила бабушка. Он вдруг с особой ясностью вспомнил, как они с Хейли спорили по поводу этой кухни.

– Два духовых шкафа? – удивился он, когда она встречалась с дизайнером. – Нам же это никогда не пригодится.

– Когда мы будем устраивать праздники, повара это оценят.

Зачем он с ней спорил об этом? Зачем вообще с ней спорил? Когда они строили дом, ему казалось, что споры никогда не утихнут. Если бы он только знал, как мало у него времени. Как быстро все может измениться. Острое чувство сожаления пронзило Джефферсона насквозь. И почему-то показалось, что из-за Брук Нельсон, которая сунула свой любопытный нос в его холодильник. Обычно ему удавалось спрятаться в работе, спасавшей от лишних эмоций и, главное, от чувства вины.

Закрыв холодильник, Брук открыла морозильный отсек. Несколько секунд стояла, уперев руки в бока, и смотрела на аккуратные упаковки замороженных порционных блюд.

– Я составлю список, – сказала она, очевидно отвергнув содержимое как несъедобное.

– Составляйте.

Судя по всему, Брук имела в виду, что составит список прямо сейчас, на свежую голову. Она взяла с рабочего стола лист бумаги и ручку и, сосредоточенно нахмурив брови, принялась писать, произнося вслух:

– Курица, шоколадная крошка, мука, сахар.

Шоколадная крошка. И мука. И сахар. Неужели она собирается испечь печенье? При мысли о домашнем печенье Джефферсон ощутил внутри презренную слабость.

Список явно отвлек Брук от намерения осмотреть дом.

– Через несколько минут мне должны позвонить, так что прошу извинить.

Ему стоило некоторых трудов выйти из кухни. При упоминании курицы во рту выступила слюна. На ум снова пришла бабушка и блюдо с золотистыми ломтиками жареной курицы посередине старого дощатого стола.

Это была слабость, но Джефферсон ничего не мог с собой поделать. Да и зачем? Она сама нанялась к нему домработницей и, если ей хочется готовить, почему бы ему не вос-

пользоваться этим? В конце концов, все будет оплачено. Хотя можно даже не мечтать, что она умеет готовить так же, как бабушка. Никто на свете не умел готовить, как она.

Глава 5

Глядя, как он уходит, Энжи вдруг поняла, что в своем старании не раздражать ново-явленного работодателя расспросами, которые он мог принять за болтливость, она забыла спросить, как его зовут. Теперь он ушел, а она не знала, где искать принадлежности для уборки, какую комнату он хотел бы выделить ей в качестве спальни.

И она молча смотрела, как он идет по широкому коридору, поворачивает и скрывается из вида. В следующую минуту раздался звук хлопнувшей двери.

Вспоминая его недружелюбную манеру, Энжи невольно задумалась о том, что чувствует. Казалось, она его понимает. Ее хозяин потерял все. И впервые за долгое, пожалуй, слишком долгое время она ощутила еще кое-что. Заметила, что он не хочет ее жалости, хотя ее первым порывом было пожалеть его. Она прислушалась к своей интуиции. Существовали и иные способы дать понять, что она слышит и понимает его, другие способы помочь. После публичного унижения, которым стала разорванная помолвка, она слишком хорошо знала, какими пустыми могут оказаться слова.

Ее хозяин остался сиротой в шесть лет, а теперь был еще и вдовцом. Она вспомнила его глаза, когда он рассказывал о себе, и мелькнувшее в них неприязненное выражение, когда заметил в ней сочувствие. Принял за жалость, хотя она не произнесла ни слова. Он не хотел ее сочувствия, и кто его обвинит? Ему надо было, чтобы его оставили в покое, и за это тоже нельзя упрекать.

И тем не менее он пустил ее в свой дом. Для нее это настоящий подарок. Она должна отблагодарить его. Энжи поклялась, что станет самой лучшей дом работницей на свете и на ближайшие две недели сделает жизнь своего хозяина легче и лучше, насколько сможет.

Думая о своих чувствах, она с радостью могла сказать, что это не страх. Но что?

Энжи почувствовала себя в безопасности.

Возможно, его нелюбезные манеры даже больше успокаивали ее. Она слишком хорошо помнила, к чему привел, казалось бы, дружелюбный интерес со стороны мужчины!

С тех пор как обнаружила у себя на кровати злополучную панду, Энжи смогла хоть немного расслабиться. Все предыдущие месяцы напряжение нарастало по мере того, как становилось ясно, что интерес Уинстона носит нездоровый характер. Сейчас складывалось ощущение, словно после долгой паузы она наконец могла выдохнуть. Глядя на запущенный дом, Энжи с радостью почувствовала, что у нее появилась цель, отличная от простого выживания.

Правда, вместе с облегчением нахлынула страшная усталость, взгляд сам собой потянулся к гамаку, который она видела из кухонного окна. Если она уснет, это едва ли произведет хорошее впечатление на хозяина. Да и его жизнь не улучшится.

Энжи заставила себя сосредоточиться на том, чтобы было у нее под руками. Глядя на почту, догадалась, что хозяина дома зовут Джефферсон Стоун, бизнес-консультант и владелец компании «Стоун системс анализис». Она взяла себе на заметку, что надо разобрать почту. Часть корреспонденции составлял очевидный мусор, но в других конвертах, судя по всему, лежали чеки и деловые письма.

Осмотр кухонных шкафчиков выявил довольно скудный запас продуктов. По мере того как Энжи их осматривала, список покупок становился все длиннее и длиннее, особенно после того, как мысли о готовке наполнились альтруистическим содержанием.

Покончив с кухней, она продолжила осмотр дома. Дверь из кухни вела в постирочную. Открыв стиральную машину, Энжи обнаружила внутри мокрое белье, пролежавшее так долго, что уже запахло плесенью. Отыскав порошок, она запустила машину. Помимо порошка в шкафчике явно недоставало средств для уборки, поэтому, вернувшись к списку,

она добавила еще несколько пунктов и двинулась по дому дальше, вдруг почувствовав себя шпионкой. Ей стало смешно.

Снаружи дом казался одноэтажным, однако рядом с кухней лестница уходила вниз, и, спустившись по ней, Энжи оказалась на другом уровне. Это был не подвал, а красиво оформленный цокольный этаж, предназначенный для отдыха и развлечений. Рядом с бильярдным столом разместился бар, хотя пыль на столе и на бутылках свидетельствовала о том, что им давно никто не пользовался. На одной из стен висел огромный телевизор, и похоже, Джефферсон смотрел его, потому что на кофейном столике стояло несколько грязных стаканов и тарелка с крошками от картофельных чипсов.

Двери-гармошки вели из игровой комнаты в гостевые спальни, каждая со своим балконом, выходящим в сторону озера. Энжи подумала, что могла бы устроиться в одной из них. Обе находились достаточно далеко от хозяйских покоев. Однако потом ей пришла в голову тревожная мысль, что на нижний уровень слишком легко проникнуть. К тому же люди, которые приедут фотографировать дом, захотят остаться на ночь.

Составив подробный список того, что нужно сделать внизу, чтобы этот этаж выглядел обитаемым и съемочная группа могла переночевать, Энжи собрала грязную посуду и вернулась наверх. Посудомоечная машина оказалась полна грязных тарелок. Она запустила ее, оставив остальное на второй цикл. Выполнение этих обычных действий приносило удивительное удовлетворение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.